

Первоначальный владелец не умел играть на пианино, но это не значило, что он сам не умел. В отличие от поверхностного артистизма Ли Цзэси, Ли Цин стремился к самовыражению через подлинное мастерство.

Заметив движения юноши, Хань Сюбай невольно последовал за ним взглядом.

«Ты, жалкий выскочка, исчезни с глаз моих!» Су Ян оттолкнул Чэнь Вана, преградившего ему путь, и триумфально занял центральное место у сцены.

Его глаза заблестели от волнения, когда он пробормотал: «Всё дело в непостоянстве публики; как давно я не слышал Ли Цина, играющего ... на фортепиано.»

Только Хань Сюбай уловил эти слова и едва заметно кивнул.

Все были заинтригованы неожиданным принятием вызова Ли Цином, и их взгляды немедленно обратились к нему.

Юноша сидел за роялем невозмутимо, с прямой спиной, в костюме, подчёркивающем его элегантность. Даже без единого движения он приковывал взгляды.

Шэн Ян слегка улыбнулся, наблюдая за юношей, оказавшимся в центре внимания. Внезапно его взгляд упал на знакомую фигуру у входа в банкетный зал, и он тут же обернулся, приветствуя гостя: «Хуайшэнь, ты наконец-то присоединился к нам.»

Ли Хуайшэнь пристально смотрел на молодого человека, сидящего за роялем. Его обычно холодный и строгий взгляд смягчился. Опасаясь нарушить сосредоточенность юноши, он тихо спросил друга: «Что здесь происходит?»

Шэн Ян усмехнулся и вкратце пересказал ситуацию.

Ли Цин не заметил прибытия мужчины. Он сел за фортепиано, закрыл глаза и быстро погрузился в поиск подходящего произведения.

Следует отметить, что Ли Цин обучался игре на фортепиано у своей бабушки по материнской линии. С ранних лет его базовые навыки мало в чем уступали навыкам Ли Цзэси. Даже избрав карьеру дизайнера, он не растерял любви к фортепиано, и его пальцы оставались удивительно ловкими.

[Дзинь! Обнаружена текущая деятельность пользователя. Система заранее использовала случайные очки навыков для увеличения фактора харизмы, влияющего на выступление на месте!]

[Дзинь! Обнаружена текущая деятельность пользователя. Система заранее использовала случайные очки навыков для автоматической генерации в вашем воображении партитуры классического музыкального произведения!]

Ли Цин остался весьма доволен инициативой системы. Немного поразмыслив, он выбрал произведение для исполнения.

«Почему он до сих пор не начал?»

«Просто тянет время?»

«Чрезмерная самоуверенность ведёт к падению. Возможно, он просто струсил?»

Ли Цин проигнорировал перешёптывания под сценой и, коснувшись клавиш, извлёк из них незабываемую мелодию.

«Это же „Глава скорби“», – Хань Сюбай, как и следовало ожидать от знатока фортепианной музыки, узнал её с первых нот.

Эту фортепианную пьесу написал знаменитый музыкант XX века, Идрис. Он излил в ней всю свою душу и сердце в память о своей жене, скончавшейся менее чем через восемь месяцев после их свадьбы.

Начинаясь нежной мелодией, произведение постепенно перерастает в энергичную, затем переходит в напряжённое безумие в кульминации, и, наконец, успокаивается в тихой и нежной концовке. Начало и конец преисполнены эмоций, а середина демонстрирует техническое мастерство. Это фортепианное произведение – не только катарсическое излияние чувств, но и стремление к абсолютному техническому совершенству.

Сочетание этих двух элементов представляет собой колоссальную задачу для исполнителя.

Восхитительные, лаконичные ноты глубоко тронули слушателей, полностью поглотив их внимание.

Юноша сосредоточил свой взгляд на чёрно-белых клавишах рояля. Радостный блеск в его глазах внезапно сменился лёгким безумием, а его ослепительная техника заставила публику затаить дыхание.

Изначальная жизнерадостная мелодия исчезла, уступив место всё более частым и резким аккордам.

Словно они ненавидели всё вокруг и стремились к саморазрушению.

Гости нахмурились, потеряв всякое желание наслаждаться вином. Музыка терзала их души, и незримое давление мешало дышать.

Нежное лицо юноши преобразилось, уступив место безумию во взгляде. Он погрузился в эмоциональный мир, сотканный из звуков, превратив фортепиано в оружие, увлекающее всех присутствующих в этот мир радости и печали.

Спустя неопределённое время мелодия наконец смягчилась. Это было чувство облегчения после отчаяния, и, что ещё важнее, тоска, которая, казалось, будет длиться вечно, глубоко проникая в самые сокровенные уголки сердец слушателей.

Музыка затихла.

Ли Цин сделал глубокий вдох, скрывая все эмоциональные потрясения в своих глазах, и спокойно отвёл взгляд, прежде чем подняться и покинуть сцену.

Гости, изначально пришедшие понаблюдать за развитием событий, застыли на месте, явно всё ещё находясь под впечатлением от услышанного, и инстинктивно следили за движениями Ли Цина.

Красота юности поистине несравненна.

Он увлёк всех за собой в свой мир, но, когда музыка закончилась, без колебаний ушёл, оставив лишь неизгладимые воспоминания. Он был одновременно чутким и бесчувственным.

Его неуловимость лишь подогревала желание узнать его лучше!

Глубокая признательность засияла в обычно кротких и нежных глазах Хань Сюбая. Партитура «Главы скорби» отличалась сложностью, мелодии в начале, середине и конце кардинально отличались друг от друга, что делало её одним из сложнейших произведений для исполнения.

Посторонние наблюдают за зрелищем, а посвященные разбираются в нюансах.

Во время выступления юноша не только не допустил ни единой фальшивой ноты, но и умело вплел в мелодию элементы того, что он и Ли Цзэси сыграли ранее, продемонстрировав свой исключительный талант.

В зале воцарилась тишина, которую вскоре нарушили громкие аплодисменты, раздавшиеся где-то в задних рядах.

Ли Цин инстинктивно поднял взгляд и внезапно встретился с пронзительным взглядом. Ли Хуайшэнь молча смотрел на него, и, хотя они находились на расстоянии, непоколебимый свет в

его глазах, казалось, обладал силой поглотить человека целиком.

Дыхание Ли Цина слегка участилось, и его тело невольно подалось вперед.

В следующее мгновение он услышал тихие аплодисменты, к которым вскоре присоединились восторженные овации, намного громче, чем прежде.

Они наконец поняли, что имел в виду Хань Сюбай.

Игра на фортепиано завораживает, и исполнение юноши не стало исключением. Его техника была безупречна, но и эмоциональная составляющая не уступала ей.

Оглядываясь назад, они не могли вспомнить, как звучала мелодия, исполненная Ли Цзэси, и даже испытывали смутное раздражение от этих навязчивых нот.

Кто победит, а кто проиграет?

Ответ очевиден.

«Я и подумать не мог, что Ли Цин окажется таким одарённым пианистом. Неудивительно, что даже такой поклонник фортепианной музыки, как Хань Сюбай, вступился за него.»

«В сравнении с этим, игра молодого мастера Ли выглядит довольно посредственной.»

«Немного посредственной?» – усмехнулся кто-то, злорадно поглядывая на Чэнь Вана. «Кому-то должно быть очень не по себе.»

Услышав это, Чэнь Ван поспешно скрыл разочарование в глазах и смутился.

Под громкие аплодисменты публики выражение лица Ли Цзэси мгновенно изменилось, и он погрузился в пучину отчаяния.

На каком основании?

Ли Цин так легко украл его долгожданное внимание!

Столько усилий было потрачено на репетиции на протяжении двух недель! Почему никто не обмолвился, что Ли Цин умеет играть на фортепиано?

Неужели семья Ли намеренно скрывала это от него?

<http://bllate.org/book/14669/1302378>